

На правах рукописи

НАЗАРОВА АНАСТАСИЯ ВИКТОРОВНА

СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА Е.Н. ЧИРИКОВА «ОТЧИЙ ДОМ»
КАК ИТОГ ИДЕЙНЫХ И ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ИСКАНИЙ ПИСАТЕЛЯ

Специальность 10.01.01 – русская литература

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва

2013

Работа выполнена на кафедре истории русской литературы XX века филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Михайлова Мария Викторовна

Официальные оппоненты: **Смирнова Альфия Исламовна**
доктор филологических наук, профессор
Московский городской педагогический университет
профессор кафедры русской новейшей литературы
и читательских практик

Эдельштейн Михаил Юрьевич
кандидат филологических наук
Московский государственный
университет имени М.В.Ломоносова
старший научный сотрудник кафедры
литературно-художественной критики
и публицистики факультета журналистики

Ведущая организация: Нижегородский государственный педагогический университет им. Козьмы Минина (Мининский университет)

Защита состоится «26» декабря 2013 года в 16.00 часов на заседании диссертационного совета Д.501.001.32 при Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова по адресу: 119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, МГУ, 1-й учебный корпус.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Автореферат разослан « ____ » _____ 2013 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,
доктор филологических наук

М. М. Голубков

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

В современном литературоведении не так давно укоренилась тенденция расширения «панорамы» истории отечественной литературы за счет обращения к фигурам малоизученных писателей, представителей так называемого «второго ряда». Исследование творчества таких художников слова позволяет составить полное представление о литературной картине времени, поскольку в центре их внимания оказывались те события и явления современной им действительности, которые не привлекли внимание «классиков». В своих произведениях «второстепенные» литераторы стремились дать «моментальный» снимок живой, постоянно меняющейся жизни, запечатлеть мимолетные черты текущего бытия, тогда как «великие» писатели, как отмечал Ю.М. Лотман, часто оказывались изолированы от своей эпохи и даже противопоставлены ей¹. В итоге именно «средние» и «малые» таланты, оперативно откликаясь на злобу дня и живописуя многообразие лиц, занятий, укладов, нередко нащупывали, открывали для разработки те тематические, проблемные пласты, которые позднее были «вспаханы» классикой. Тем самым осмысление творчества авторов «второго ряда», выявление их роли в литературном процессе в соотношении с поисками и находками признанных корифеев русской словесности позволяет не просто расширить круг имен и произведений, прежде не учитывавшихся историко-литературной наукой, но и пересмотреть давно устоявшиеся, привычные оценки и репутации писателей «крупного калибра», по-новому взглянуть на проблему литературной иерархии и – шире – интертекста. Одним из наиболее ярких и интересных писателей, ранее причисляемых к «второстепенным», а теперь все более заслуженно выдвигаемых в первый ряд, является Евгений Николаевич Чириков (1864–1932), о значимости творческой фигуры которого начинает вполне определенно заявлять такая область, как «чириковедение»².

Творческое наследие писателя можно с уверенностью назвать значимым явлением в русской литературе конца XIX – первой трети XX веков. Заявив о себе как бытовик и продолжатель реалистических традиций писателей-шестидесятников, Чириков во второй половине 900-х годов постепенно отошел от остро социальной проблематики и

¹ См.: Лотман Ю.М. Семиосфера: Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки. СПб., 2000. С. 20.

² Моргунов Р.В. Поэтика романа Е.Н. Чирикова «Зверь из бездны». Дисс. ... к.филол.н. М., 2010; Васильева Т.В. Жанровый синтез русской классической прозы конца XIX – начала XX веков. Дисс. ... к. филол. н. М., 2011; Захарова В.Т. Фольклорные легенды и предания в художественном осмыслении Е.Н. Чирикова // Карповские чтения. Арзамас, 2007; Она же. Сакральность русского пространства в художественном постижении Е.Н. Чирикова // Евгений Николаевич Чириков. Возвращение к читателю. II Культурологические чтения «Русская эмиграция XX века». Москва. 7-8 февраля 2007. М., 2008; Она же. Автобиографическая трилогия Е.Н. Чирикова «Жизнь Тарханова»: поэтика жанра // Нижегородский текст русской словесности. Межвузовский сборник научных статей. 15-17 октября 2009 г. Нижний Новгород, 2009; Минералова И.Г. Имя и безымянность в русской литературе // Лучшая вузовская лекция. М., 2004; Она же. Евгений Чириков – знаток детского сердца и детский писатель // Мировая словесность для детей и о детях. М., 2005. Вып. 10. Ч 1; Она же. Способы выражения эпического содержания в романе Е. Чирикова «Зверь из бездны» // Русская литература XX века. Типологические аспекты изучения: Материалы X Шешуковских чтений. М., 2005 и др.

сосредоточился на осмыслении народно-православных основ русской жизни и культуры. Его творческий путь представляет собой интереснейший пример эволюции художественного метода под влиянием пересмотра прежних общественно-политических взглядов и убеждений. Изменение идейных и творческих принципов обусловило своеобразие поэтики зрелых произведений Чирикова, которая вместила в себя элементы различных родов литературы и стилевые искания эпохи.

Предлагаемое диссертационное исследование стало первой попыткой проследить и осмыслить эволюцию взглядов и творческого метода Е.Н. Чирикова, отличительной чертой которого стало соединение эссеистико-культурологических и политологических отступлений с художественным повествованием, и увидеть его яркое воплощение в итоговом произведении писателя – семенной хронике «Отчий дом». В свою очередь, результаты проведенной работы позволяют уточнить характеристику процессов, протекавших в русской литературе на рубеже XIX – XX веков, а также в эмигрантском литературном сообществе. Этим объясняется **актуальность** предпринятой работы.

Научная новизна диссертационного исследования определяется тем, что впервые при изучении творческого пути Е.Н. Чирикова привлекается итоговое произведение писателя – созданная в эмиграции семейная хроника «Отчий дом», а также написанные в изгнании и до сих пор не переизданные в России романы «Семья» и «Мой роман». Впервые системно исследуется поэтика этих произведений (жанровые и композиционные особенности, персонажная система, образ автора, фольклорный и библейский пласты и др.), рассматривается их соотнесенность с классическим наследием литературы XIX столетия. Вместе с тем подробный разбор «показательных» для творческой индивидуальности писателя текстов помогает продемонстрировать, как глубоко художник изучил идеологическую составляющую эпохи, насколько чуток он был к эстетическим новациям. Как он ни «открещивался» впоследствии от себя «общественника», общественная струя никогда не иссякала в его творчестве. Чирикову и в эмиграции продолжали быть интересны политические столкновения и споры, которые для него неотделимы от духовного бытия России. Но именно там ему удалось уйти от прежнего «социологизаторства» и в эпическом ключе дать масштабную панораму жизни России на протяжении двадцати пяти лет. В работе используется значительное число дореволюционных и эмигрантских газетных и журнальных отзывов современной писателю критики на его произведения, а также материалы из семейного архива наследников Чирикова, что помогает проникнуть в творческую лабораторию художника.

Объектом изучения стало творчество Е.Н. Чирикова до- и послереволюционного периодов.

Предмет исследования – проблематика и поэтика произведений разных лет с учетом эволюции художественных принципов и мировоззрения, наиболее полно проявившейся в итоговом произведении.

Материалом исследования явились как сочинения самого Е.Н. Чирикова (рассказы конца 1880-х – 1900-х годов, пьесы «Мужики» и «Дом Кочергиных», романы «Юность», «Изгнание», «Возвращение», «Семья», составившие тетралогию «Жизнь Тарханова», «Зверь из бездны», «Мой роман», «Отчий дом» и др.), так и произведения русской классической литературы XIX – первой четверти XX веков («Мертвые души» Н.В. Гоголя, «Война и мир» Л.Н. Толстого, «Обрыв» И.А. Гончарова, «Отцы и дети», «Дворянское гнездо» И.С. Тургенева, «Бесы» Ф.М. Достоевского, «Деревня», «Жизнь Арсеньева» И.А. Бунина и др.), что явилось необходимым для установления интертекстуальных связей писателя.

Цель – рассмотрение семейной хроники Е.Н. Чирикова «Отчий дом» как итога идейных и художественных исканий писателя.

Для реализации обозначенной цели в ходе исследования решаются следующие **задачи**:

- выявить основные темы и мотивы ранних произведений Чирикова (образ провинции, судьба интеллигенции, проблематика столкновений и др.), являвшиеся значимыми для всего творчества;

- проанализировать важнейшие аспекты художественного мира в романах «Зверь из бездны» и «Мой роман» (специфика хронотопа, образной системы, особенности конфликта, фигура рассказчика и др.), закрепленные в «Отчем доме»;

- раскрыть своеобразие исторической концепции в семейной хронике Чирикова «Отчий дом» в контексте общественно-политической полемики в среде русской эмиграции 1920-х годов и в соотношении с работами историков новейшего времени;

- обнаружить истоки образов и сюжетных коллизий, особенности мифопоэтики «Отчего дома»;

- выявить своеобразие жанровой формы, композиции и образа автора в семейной хронике «Отчий дом».

Теоретико-методологическая база определяется спецификой поставленной проблемы. Она предполагает комплексный подход, который обеспечивается сочетанием сравнительно-сопоставительного, биографического, культурно-исторического, структурно-описательного и герменевтического методов исследования, что дает возможность осветить важнейшие стороны поэтики Чирикова в ее эволюции, так как система общественных и эстетических взглядов писателя складывалась постепенно, формирование его художественного мира проходило в несколько этапов.

Диссертационное исследование базируется на методологических принципах, представленных в работах, посвященных жанровой структуре романа (М.М. Бахтина, Л.Я. Гинзбург, В.Б. Томашеского, В.Е. Хализева и др.); особенностям жанра семейной хроники (А.М. Грачева, И.П. Видуэцкая и др.); специфике воспроизведения в художественном тексте «чужого» слова и точек зрения субъекта изображения и субъекта речи (Б.А. Успенский, Е.Г. Мущенко, Л.Е. Кройчик, Н.Д. Тамарченко и др.); осмыслению социокультурного контекста в России рубежа XIX – XX веков и Русском зарубежье (В.А. Келдыш, О.Р. Демидова, В.В. Агеносов и др.).

Основные положения, выносимые на защиту:

- мировоззренческий кризис, пережитый Чириковым в конце 900-х годов (переход от «социальности» к религиозно-философскому осмыслению жизни), стал определяющим моментом в творческой эволюции писателя;
- трактовка Чириковым общественно-политических проблем, идейной борьбы, взаимоотношений интеллигенции и русского народа определила его позицию «над схваткой» и уникальное положение в дореволюционной литературе и среде русской эмиграции;
- историческая концепция Чирикова выражается посредством библейских образов (Антихрист, Зверь из бездны) и религиозных реминисценций;
- в «Отчем доме» оказались собраны воедино темы и мотивы ранних произведений писателя и его романов о Гражданской войне;
- жанрово-композиционное своеобразие семейной хроники явилось результатом творческих экспериментов, начатых в романах «Зверь из бездны» и «Мой роман», и вылилось в создание формы «роман-панорама»;
- начав формироваться в произведениях 1910-х годов, авторский стиль, соединяющий в себе элементы публицистики, философского эссе, исторического исследования с отчетливо проявляемой лирической интонацией, стал структурообразующим фактором в итоговом произведении писателя.

Практическая значимость работы заключается в том, что ее основные результаты могут быть использованы в лекционных курсах по истории русской литературы рубежа веков, первой половины XX века и русского зарубежья; в специальных курсах, посвященных творчеству писателей-эмигрантов, а также внутрилитературному синтезу и анализу специфики жанров и выявлению творческой индивидуальности писателя. Полученные данные могут способствовать созданию историко-литературных комментариев к публикации не переизданных до настоящего времени произведений Чирикова.

Апробация представленных в работе положений осуществлялась в форме докладов на Третьей Международной научной конференции «Русская литература XX–XXI веков:

проблемы теории методологии изучения» (МГУ, 2008); XV, XVI и XVII Международных научных конференциях студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» (МГУ, 2008, 2009, 2010); V и VI Международных летних школах на Карельском перешейке по русской литературе (Ленинградская область, 2008, 2009); XIX Научных чтениях (Даугавпилс, Латвия, 2009); Международной научной конференции молодых славистов-филологов (Тарту, Эстония, 2009), Международной научной конференции «Русская литература XVIII–XXI вв. В диалоге с литературным и культурным наследием» (Лодзь, Польша, 2010), Международной научной конференции VII Майминские чтения «Эпические жанры в литературном процессе XVIII–XX веков: забытое и “второстепенное”» (Псков, 2011), «Прошлое как сюжет» (Тверь, 2012), Международной научной конференции «Поэтика быта. Российская литература XVIII – XXI вв.» (Гиссен, Германия, 2012).

Основные положения диссертационного исследования представлены автором в шестнадцати публикациях, три из которых размещены в изданиях, рекомендованных ВАК.

Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и библиографии. Общий объем работы – 281 с. Библиографический список включает 288 источников.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении характеризуются основные тенденции в осмыслении наследия писателя отечественной критикой и литературоведением дореволюционного, советского и постсоветского периодов, определяется актуальность проблемы, научная новизна работы, предмет и методы исследования, формулируются цели и задачи диссертации, раскрывается ее научно-практическая значимость и указываются формы апробации.

В первой главе **«Русская интеллигенция в изображении Е.Н. Чирикова»** анализируется раннее творчество писателя под углом представленной системы персонажей, раскрываются ведущие сюжетные коллизии и идейные конфликты, определяющие специфику освоения художественной действительности.

В первом параграфе **«“Герой на час” и “мирные обыватели” в произведениях конца 1880-х – 1890-х годов»** рассматривается провинциальный топос малой прозы писателя.

Интерес к российской глубинке не покидал Чирикова на протяжении всей жизни, о чем свидетельствуют не только рассказы и повести конца 1880-х – начала 1890-х годов, но и тексты, созданные им незадолго до революции 1917-го и позже, в эмиграции. Обусловила столь пристальное внимание писателя к провинции его убежденность в том, что именно там формируются основы национального самосознания, которые служат важным источником нравственных и духовных констант народной жизни. Вместе с тем в ранних произведениях

Чирикова ощутимо критическое отношение к уездному городу и его жителям. Рисуя картины обыденной жизни, он продолжил традиции Н.В. Гоголя и А.П. Чехова, высмеивавших ограниченность взглядов, невежество и самодурство обывателей. Но в отличие от последнего, видевшего в провинции мещанское болото, которое постепенно засасывает человека и превращает в обывателя-пошляка, Чириков размышлял и о среде, которая могла бы сформировать духовно развитую личность. Героев его ранних рассказов можно разделить на два типа – приспособившихся к обезличивающим человека условиям жизни «соглашателей» и протестующих против скуки и пошлости окружающей действительности «бунтарей» (к ним в основном относятся женщины, учащаяся молодежь и «идейные интеллигенты»). Но их «бунт» против удушающей атмосферы обречен на неудачу. В рассказах «Студенты приехали» (1891), «Gaudeamus igitur» (1894), «В ложине меж гор» (1899), «Фауст» (1900), «Роман в клетке» (1902), «Испортилась» (1903) и др. писатель показывает, что поражение неизбежно ведет к духовному опустошению и деградации, подчинению среде.

Наиболее трагичной выглядит в глазах Чирикова судьба женщины. Ее медленное угасание становится упреком современному обществу, безжалостно калечащему чистые живые души. Однако в чириковских героинях никогда не исчезает стремление к иной, осмысленной и насыщенной жизни, которое контрастирует с безнравственной сущностью мужских персонажей. Характерно, что в произведениях о Гражданской войне именно женская судьба будет поставлена в центр повествования, ибо в женщине, в материнстве, по убеждению писателя, заключен «вечный источник жизни и победа над смертью»³. В «Отчем доме» вырождение семьи будет доказываться и тем, что ее женская половина, за исключением дочери Павла Николаевича Кудышева Наташи, перестает быть выразительницей высоких идеалов и моральным стимулом для совершенствования героев-мужчин. Они так же, как и остальные, оказываются корыстными, высокомерными, а порой лицемерными. Эти качества порождают в героинях нравственную глухоту и хищнические инстинкты, что делает их неспособными к любви и прощению, ведет к забвению ими христианских ценностей.

Особое внимание Чириков уделял нравственному перерождению демократической интеллигенции, переживающей крах своих убеждений. Писатель рисует типичный путь носителя прогрессивных идей от революционной деятельности в молодости через тюрьму и ссылку к отречению от идеалов юности. Но главная причина жизненного поражения таких людей заключается, по убеждению автора, в полном незнании русской интеллигенцией способов выхода России из политической «спячки», а также необоснованности притязаний

³ Чириков Е.Н. Зверь из бездны. СПб., 2000. С. 506.

революционеров на лидерство в переустройстве общественной системы. Тема нравственного перерождения человека прогрессивных убеждений найдет свое место и в «Отчем доме», где один из главных героев – Павел Николаевич, в прошлом либерал и вольнодумец – приспособится к обстоятельствам, приготовившись раболепно служить иным идеалам, обеспечивающим спокойное существование.

Не менее пристально Чириков исследует процесс разрушения семейных устоев, что проявляется прежде всего в конфликте отцов и детей, который писатель разрабатывает в рассказах «Созрел» (1887), «Блудный сын» (1899), «На поруках» (1904). Враждебно настроенное к революционным преобразованиям окружение безжалостно подавляет любую инициативу молодежи, если та хотя бы немного угрожает установившемуся порядку. Особенно трагично разворачивается ситуация «возвращения», когда вернувшийся под родительский кров после отбывания тюремного наказания юноша чувствует себя лишним, а подчас и опасным для окружающих человеком. Доминантой такого рода повествований становится мысль о невозможности продолжения жизни в среде мирных обывателей. Семейные противоречия лягут и в основу «Отчего дома», где живущие под одной крышей мать и сыновья также не смогут прийти к взаимопониманию, что приведет к трагическому распаду не только одной семьи, но и станет символом уничтожения общенационального Дома – России.

Второй параграф **«Конфликтология в произведениях 1890-х годов: общественные и идейные столкновения (повести “Инвалиды” и “Чужестранцы”)**» посвящен осмыслению идеологических столкновений в российской общественной жизни 90-х годов XIX века в самых знаменитых произведениях Чирикова и их рецепции в современной писателю критике. В результате личного знакомства с представителями ведущих оппозиционных политических движений Чириков пришел к переоценке народнических взглядов, но выразил сомнение и в марксистской исторической концепции. Столкновение народников с марксистами он сделал идейным центром повестей «Инвалиды» (1897) и «Чужестранцы» (1899). В качестве главного героя в «Инвалидах» выведен утративший жизненные ориентиры старый народник Крюков. Следование умозрительным народническим теориям и непонимание современной общественной ситуации ставит его в трагикомические положения. Противостоит ему носитель марксистского мирозерцания студент Игнатович, который скептически воспринимает речи либеральных интеллигентов и резко критикует вечно «ноющих» и «плачущих» народников. Однако автор победителя в схватке не выявляет, равномерно распределив «позитивное» и «негативное» в каждом из противников. Появление «Инвалидов» вызвало резкое неприятие критиков-народников, обвинивших писателя в намеренном осмеянии народнической доктрины. В лагере же

марксистов, напротив, прозвучала мысль, что в повести выражено неуважительное отношение к марксизму. Такая разногласия объяснялась авторской позицией «над схваткой», которая при огромной заинтересованности в самой проблеме была необычна для требующего идейного самоопределения российского общества. Эта позиция со временем начинает все более импонировать Чирикову, что и определит его во многом уникальное положение в литературе начала XX века и позже, в эмигрантской среде. Повесть привлекла к себе всеобщее внимание еще и потому, что определение «инвалиды», которые автор вложил в уста одного из героев, отражало самоощущение уходящего поколения борцов, отдавших свою молодость революционной деятельности и оказавшихся в конечном итоге на обочине жизни.

О неоднозначном отношении Чирикова к марксистскому учению свидетельствует и повесть «Чужестранцы», которую можно рассматривать как своеобразное продолжение «Инвалидов». В ней представлена точка зрения представителей этого нового течения, объединенных не только одной идеей, но и общим делом – с помощью газеты они пытаются пробудить интерес местных жителей к животрепещущим вопросам современности. Таким образом, конфликт перенесен Чириковым на привычную «провинциальную» почву и выступает уже не как идейно-политический, а в большей степени как социально-психологический, в который вовлечены представители и умственных течений, и обыватели. И хотя устремлениям «чужестранцев» Чириков сочувствует, крах их начинания предрешен, а это означает, что марксизм был писателю чужд, а с годами все более начинал восприниматься как бездушное и безнравственное учение. Точными штрихами Чириков рисует самоуверенность, надменность, а порой и просто агрессию новоявленных западников по отношению к инакомыслящим. Но не менее критически относится он к инертному провинциалу, не готовому менять свои привычки и мнение. Нежелание писателя искать правых и виноватых, выбор позиции беспристрастного судьи ярче всего воплотится спустя почти два десятилетия в романе «Зверь из бездны» (вышел в 1924 году на чешском языке, в 1926-м – на русском).

В третьем параграфе **«Творчество Е.Н. Чирикова “знаньевского” периода и мировоззренческий кризис»** акцент сделан на пересмотре писателем прежних идейных убеждений и выявлении его причин, а также на его художественной «переориентации».

1900 годы ознаменовали начало нового этапа творческого пути Чирикова – он становится сотрудником горьковского книгоиздательства «Знание». На первый план в его произведениях этого периода выходит остро социальная проблематика. Он пишет ряд «общественных» драм и пьес аллегорического характера, в которых отразил

предреволюционное настроение общества, столкновение угнетателей и эксплуатируемой массы.

Событиям Первой русской революции в деревне посвящена пьеса «Мужики» (1905), действие которой разворачивается в усадьбе помещика. Члены его семьи являются выразителями различных общественных взглядов и постоянно спорят о том, как улучшить положение крестьян. Этот прием «концентрированного» идейного столкновения будет использован и развит Чириковым в «Отчем доме», где под одной крышей также соберутся представители разных политических и религиозных убеждений и поведут дискуссии о судьбах народа. И уже здесь, в дореволюционном творчестве, вызревал будущий суровый вердикт: «народолюбцы» всех мастей готовы использовать народ для достижения собственных целей, подталкивая его к сопротивлению и стихийным выступлениям.

Крестьянский бунт, становящийся кульминацией пьесы, по мысли Чирикова, является закономерным итогом неуклонно растущего в народной среде недовольства. Позиция драматурга двойственна: с одной стороны, восстание крестьянской массы, задавленной веками бесправия, закономерно, с другой, первой жертвой восставших падает самый невинный, всегда защищавший интересы крестьян народник, а значит, бунт оборачивается трагедией. Так была нащупана одна из острейших общественных коллизий – в горниле гражданских междоусобиц гибнут безвинно страдающие люди, а увеличивающаяся пропасть между интеллигенцией и народом приводит к непримиримой вражде. Впоследствии Чириков осмыслит это обстоятельство как одну из предпосылок Гражданской войны.

Стремясь как можно точнее отразить дух революционных событий 1905 года, писатель искал новые художественные средства и формы. Этим объясняется интерес Чирикова к модернистской поэтике, наиболее яркими образцами которой стали аллегорические драмы «Легенда старого замка» и «Красные огни» (обе – 1907). Однако этот художественный поиск не нашел поддержки в литературном окружении. М. Горький увидел в этих драмах признак измены художника своей социальной миссии. Но Чириков не отказался от поиска новых художественных форм и с конца 900-х годов, углубляясь в оставленные им ранее без внимания области – фольклорный и религиозный пласты русской культуры, – черпает оттуда вдохновение. В драмах-сказках «Колдунья» (1907), «Лесные тайны» (1910), монастырском сказании «Плен страстей человеческих» (1910) и др. произведениях этого периода писатель сознательно уходит от освещения реальных событий. К такому решению его подтолкнуло и разочарование в методах революционной борьбы, и разрыв с горьковским «Знанием» в 1908 году, и столкновение с коллегами по драматургическому цеху в 1909-м, когда вышла наружу межнациональная рознь, существующая даже в интеллигентских кругах. Все это вместе привело к пересмотру

выстраданной общественной программы (Чириков неоднократно арестовывался в связи с участием в оппозиционных кружках) и созданию своеобразного «отчета» о содеянном, что воплотилось в цикле романов с автобиографической основой, составивших тетралогию «Жизнь Тарханова» (последняя часть была написана в эмиграции). В этих романах прослеживается процесс духовно-нравственного становления молодого человека, с юных лет увлеченного «политикой», но постепенно понимающего ложность всех революционных проектов и нащупывающего иной путь, связанный с писательским поприщем. Подведение итогов станет смыслообразующим мотивом и в «Отчем доме», где Чириков, оглядываясь назад, констатирует ответственность всех слоев общества за свершившуюся в России катастрофу.

Писательская стезя, выбранная героем «Жизни Тарханова», указывает на уникальное место, занимаемое автобиографической тетралогией Чирикова в ряду «традиционных» мемуарно-автобиографических сочинений («Семейная хроника», «Детские годы Багрова-внука» С.Т. Аксакова; «Детство», «Отрочество», «Юность» Л.Н. Толстого; «Детство», «В людях», «Мои университеты» М. Горького и др.), которые были сосредоточены главным образом на «изображении человеческой судьбы в <...> широком жизненном контексте»⁴. По сути перед нами едва ли не первый русский «роман о художнике». Образ писателя, в силу своего дара напряженнее и острее вглядывающегося в действительность, чувствующего себя причастным к исторической судьбе страны, впервые появился именно в романной тетралогии Чирикова, которая в определенной мере предвосхитила появление в конце 1920-х – начале 1930-х годов «Жизни Арсеньева» (1927–1933) И.А. Бунина.

Чирикова и Бунина роднила убежденность в том, что художественный дар делает человека чутким, болезненно переживающим несовершенство мира. Но сопоставление концепций творческой личности в произведениях этих художников обнаруживает, что при сходстве замысла авторами были предложены различные решения. Для Алексея Арсеньева творческая реализация и личное счастье несовместимы, и окончательный выбор, делаемый героем, подсказывает читателю, какое место в ценностной иерархии самого Бунина занимает каждое явление. Творчество расценивается писателем как Божий дар, которому можно и должно отдавать все свои силы, презирая все житейское, бесконечно стремиться к совершенствованию. Для Тарханова же, напротив, семейная жизнь не мешает писательству, в кругу семьи он чувствует себя увереннее и защищеннее и в итоге даже отдаст предпочтение семейным ценностям перед писательской славой (правда, это станет известно только из романа «Семья», 1924). Подобное решение отразит изменившуюся позицию

⁴ Дефье О.В. Концепция художника в русской прозе первой трети XX века: типология, традиции, способы образного воплощения. Автореф. дисс. ... д.филол.н. М., 1999. С. 8.

самого Чирикова. Но в целом динамика авторской мысли угадывается, и читатель понимает, что в качестве основы жизненного поведения отныне художник избирает нравственный стержень и христианскую веру. Так, в душевном кризисе своего персонажа писатель сумел показать драму тысяч современников на переломном для России этапе истории. А это, в свою очередь, свидетельствовало о проявлении в зрелом творчестве Чирикова эпического мышления. В дальнейшем оно проявится в романах «Зверь из бездны», который можно охарактеризовать как «социальную эпопею»⁵, и, наконец, в «Отчем доме», где будет воссоздана панорама общественной, политической и духовной жизни России последних десятилетий XIX и начала XX века, отмеченных бурным идейным брожением.

Предметом изучения во второй главе **«Синтетическая природа романов Е.Н. Чирикова “Зверь из бездны” и “Мой роман”»** стало своеобразие поэтики произведений Чирикова, посвященных Гражданской войне.

В первом параграфе **«Русский народный характер в истолковании писателя»** освещается период жизни и творчества Чирикова, связанный с событиями накануне и непосредственно после революции 1917 года, и также его последующим пребыванием в Чехословакии. Художник не принял Октябрьский переворот, публично обличал его лидеров, выступал против большевистского террора, что в конечном итоге предопределило его отъезд из России.

В эмиграции Чириков стремился осмыслить пережитую страной историческую катастрофу, чему посвятил романы «Зверь из бездны» и «Мой роман» (1926). Они в определенной степени стали «подготовительной базой» семейной хроники «Отчий дом», в которой произошло выяснение истоков трагедии беженства.

Уроки революционных событий 1917-го, а еще раньше – 1905 года, поставили перед писателем вопрос об особенностях русского национального характера, сложности и противоречивости натуры русского человека, способного как к высокому духовному подвигу, так и падению в нравственные бездны. Причиной морально-нравственного оскудения, обернувшегося небывалыми по жестокости и размаху зверствами эпохи Гражданской войны, стала, по мысли Чирикова, возможность безнаказанно убивать во имя высоких идеалов или совсем без оных только потому, что человек придерживается других убеждений. И все это под прикрытием лозунга об установлении справедливого мира. В итоге были забыты христианские заповеди. Однако писатель верил, что вслед за духовным падением неизбежно последует раскаяние и новый порыв народной души ввысь, что, в свою

⁵ Михайлова М.В. Размышления над понятием «второстепенный писатель»: судьба Чирикова. // Забытые и второстепенные писатели XVIII – XIX веков как явление европейской культурной жизни. Материалы международной научной конференции, посвященной 80-летию проф. Е.А. Маймина, 15-18 мая 2001 г. В 2 тт. / [Отв. ред. Н.Л. Вершинина]. Псков, 2002. Т. 1. С. 89.

очередь, станет залогом общенационального примирения и Воскресения России. В мифопоэтической, условно сказочной форме он выразил эти надежды еще раньше, написав в середине 1910 годов сказку «Красота ненаглядная», издать которую сумел только в 1924-м в Берлине.

Во втором параграфе **«Нравственное измерение трагедии Гражданской войны в романах «Зверь из бездны» и «Мой роман»** выявляется функция библейских образов и мотивов в структуре этих произведений.

В поисках ответов на трагические вопросы современности Чириков опирался на образы, связанные с библейской семантикой, описываемые в произведениях о Гражданской войне события воспринимал в свете «Откровения Иоанна Богослова». Ключом к постижению авторского замысла указанных романов становится прежде всего библейский образ «зверя», упоминающийся в этой книге Нового Завета. Он пронизывает повествование на разных уровнях, придавая событиям и поступкам персонажей более глубокое, философское звучание, и иллюстрирует мысль писателя о бесчеловечности войны и сопутствующих ей явлений.

В «Звере из бездны» и «Моем романе» Чириков демонстрирует многоликость «зверя». Войну он представляет как «ожившее мифическое существо, дракона, требующего людских жертв»⁶. «Зверь» войны проникает в людские души, вытравливая из них милосердие и прощение, неузнаваемо меняя характеры. Происходит даже внешнее превращение человека в «зверя»: «Стоит нагнувшись и осторожно выпрямляется, хищно приподнимая обнаженную голову со сверкающими ненавистью глазами»⁷.

Чириков был убежден, что изгнать «зверя» из души может только любовь к ближнему, но, как он показал в своих романах, и любовь «заражена» войной и превращается во всеуничтожающую животную страсть. «Зверь сластолюбия», поселившись в душе мужчины, толкает его на насилие над женщиной. Можно сказать, что в произведениях художника о Гражданской войне происходит трансформация «слезинки ребенка» Достоевского «в вопль насилуемой женщины»⁸.

Чириков неоднократно сравнивает героинь своих романов с образом скорбящей Богоматери, подчеркивая тем самым сакральный смысл женского начала. Вопреки царящему озлоблению сердце женщины остается неподвластным торжествующим повсюду звериным инстинктам, ибо она является носительницей особой, целомудренной материнской любви, которой, по мнению автора, под силу распутать самые сложные узлы человеческих

⁶ Моргунов Р.В. Поэтика романа Е.Н. Чирикова «Зверь из бездны». Дисс. ... к.филол.н. М., 2010. С. 166.

⁷ Чириков Е.Н. Зверь из бездны. СПб., 2000. С. 482.

⁸ Михайлова М.В. Нравственное измерение национальной трагедии («Мстители» и «Да святится имя Твое» Е.Н. Чирикова) // Евгений Николаевич Чириков. Возвращение к читателю. II Культурологические чтения «Русская эмиграция XX века». Москва, 7-8 февраля 2007 года. М., 2008. С. 13.

отношений. Ономастика женских имен оказывается предельно символичной. Двум героиням своих произведений Чириков дает имя Вероника, что значит победа христианской любви и всепрощение. Но если в «Звере из бездны» Вероника остается жива, то Вероника из «Моего романа» погибает, что можно трактовать как исчезновение, забвение под влиянием всеобщего озверения духовно-нравственных основ. Именем Лады (уменьшительное от Аделаиды, что значит благородная (греч.) наделена еще одна героиня «Зверя из бездны». В нем слышится русское слово «лад». Но неразрешимая ситуация, в которой оказалась эта женщина, доказывает, что все «добродетели, как бумажные деньги, потеряли вдруг всякую ценность»⁹, что лада на российской земле нет и не будет. В «Звере из бездны» возникает библейская параллель: Лада – Марфа, Вероника – Мария, которая указывает на различие героинь. Лада хочет спрятаться от войны и людской злобы внутри семьи, тогда как Вероника становится сестрой милосердия и стремится помогать страждущим. Не отвергая первого пути (художнику всегда был близок толстовский тезис о том, что только в лоне семьи человек может найти убежище от жестокой действительности), Чириков считает второй путь более действенным, ибо в романах «Зверь из бездны» и «Мой роман» он показал, что возникшие чудовищные исторические обстоятельства против воли превращают буквально каждого ее члена в палача своих близких, и только мысль о родине, России как едином целом может сплотить людей. Но в «Отчем доме» будет явлено, что на согласие надежды нет. Постепенная ломка семейных отношений, начавшаяся уже в конце XIX столетия, по сути, предсказала общественную смуту будущих лет и в буквальном смысле братоубийственную Гражданскую войну.

Библейские аллюзии связаны и с местом действия романов. Это Крым, который не раз сравнивается с раем до грехопадения. Но и в этот райский уголок неизбежно проникает междоусобная рознь, наполняя души героев ненавистью, что в конечном итоге ведет к трагическому финалу. Их гибель доказывает, по мысли автора, что укрыться в новых исторических условиях от жизни невозможно. Поэтому заключительная сцена в «Звере из бездны», когда Вероника уходит вместе с дочерью Владимира Паромова и Лады Евой по тропинке в лес, можно рассматривать как метафору ухода из ложного рая ради жизни (Ева – жизнь (евр.). Открытый финал романа дает читателю надежду на возможность обретения нового пути не только героиней, но и всей Россией. Однако в «Отчем доме» эти иллюзии рассеиваются. Писатель пришел к выводу, что судьба России была предрешена задолго до победы большевиков. Поэтому в семейной хронике и возникает неоднократное сопоставление России с ушедшим под воду Градом Китежем, как символом утраты всего святого. Но важно, что Чириков прибегает к этому амбивалентному образу, чтобы дать

⁹ Чириков Е.Н. Зверь из бездны. СПб., 2000. С. 562.

читателю понять: его вера в неуничтожимость души России и ее народа, ее мистическое воскресение в будущем – жива.

В третьем параграфе **«Распадающийся и символический топос романов Е.Н. Чирикова. Принцип мозаичности»** трактуется своеобразие композиционного построения «Зверя из бездны» и «Моего романа».

В «Моем романе» одна сюжетная линия постепенно развивается от случайной встречи героев в Новороссийске до известия о гибели Вероники. В романе «Зверь из бездны» – две параллельно развивающиеся сюжетные линии, рисующие жизнь двух братьев Паромовых, жены одного из них Лады и невесты другого Вероники на фоне картин революционного времени. Действие романа развивается последовательно, но обе сюжетные линии постоянно пересекаются, образуя своеобразную пунктирность. Взгляд повествователя перемещается от Владимира Паромова к его брату Борису, что позволяет читателю увидеть разнообразные точки охваченной кровопролитной войной страны. Вместе с информационно-эпическими комментариями автора они создают мозаичное панно, наиболее точно в структурном плане отвечающее масштабу запечатленной национальной трагедии.

Композиционные решения, использованные при работе над «Моим романом» и «Зверем из бездны», Чириков применит и в «Отчем доме». Семейная хроника рода князей Кудышевых воссоздает жизнь на протяжении почти тридцати лет в последовательной смене событий. Но история семьи включена в не имеющие, казалось бы, непосредственного отношения к бытовой обстановке явления общественно-политического порядка, и на первый план время от времени выходят персонажи, в том числе реальные исторические фигуры, которые напрямую не связаны с представителями семьи. В результате повествование в семейном романе приобретает многолинейный и многомерный характер.

Время и пространство в романах Чирикова предельно динамичны. Люди ввергнуты в хаос беспорядочного движения. Как в калейдоскопе сменяют друг друга приметы окружающего мира: заснеженное поле, набитые людьми теплушки, военный госпиталь, домик в Крыму. Благодаря этому приему в «Звере из бездны» удается создать эффект чрезвычайной насыщенности небольшого временного промежутка (всего несколько месяцев), и этот «несущийся хронотоп» вызывает у читателя «ощущение пульсации, энергии»¹⁰. В «Моем романе», напротив, события и участники постоянно находятся в «поле зрения» повествователя. Время кажется предельно уплотненным, хотя с первой встречи героев до гибели Вероники проходит два года. В «Отчем доме» события текут плавно и неторопливо. Однако неспешный и обстоятельный рассказ о жизни семьи Кудышевых

¹⁰ Попова Е.А. Публицистический элемент в романе Е.Н. Чирикова «Зверь из бездны» // Вестник русской литературы. Межвузовский сборник. Симферополь, 2005. № 11. С. 62.

постепенно приобретает более динамичный характер, что достигается за счет введения автором особых «ударных эпизодов» (неудавшееся строительство бани, сцена суда, переполох после появления в провинциальной глубинке первого автомобиля и т.п.), где порой в юмористическом, а иногда и в трагедийном ключе иллюстрируется его мысль о разрыве между народом и интеллигенцией, той непреодолимой пропасти, что образовалась между ними за последние столетия. Подкрепит эти сцены Чириков и важными для конструкции романа публицистическими отступлениями. То есть принцип мозаичности сохраняется, особенно если принять во внимание сценический характер некоторых эпизодов, которые кажутся иногда вставными номерами.

Своеобразными фрагментами, точками на «карте» чириковского топоса в «Звере из бездны» и «Моем романе» становятся поезда-городки, где герои постоянно плутают в поисках временного «жилища». Новороссийск изображен как город обреченных и помешанных, где люди, проявлявшие на войне чудеса храбрости, превратились в жалких трусов; в Крыму на узкой прибрежной полосе ютятся беженцы, утратившие родину, дом, себя. В результате перед глазами читателя в произведениях Чирикова предстает расплывающееся, ускользающее пространство жизни. Таким же «ускользающим» станет в «Отчем доме» дом Анны Михайловны Кудышевой, бывший когда-то подлинным убежищем-крепостью, из которого сначала сыновья бегут, а потом, возвратившись, в духовном смысле разрушают его до основания.

В произведениях о Гражданской войне появляются композиционные элементы, имеющие и ярко выраженный «остросюжетный», авантюрный характер. К ним можно отнести образ «воскресшего покойника», чье возвращение серьезно запутывает клубок трагических обстоятельств; утрату героями собственного «лица», обрекающую их играть несвойственную им роль, надевать чужие маски и т.п. В «Отчем доме» они практически исчезнут или уйдут на второй план в основном повествовании, но возникнут в рассказах об удивительных судьбах второстепенных персонажей (поляк Пенхержевский, еврей-ростовщик Фишман, купец Ананькин). Авантюрная нота прозвучит и в образе «Великого провокатора», Ленина, у которого есть двойники, приспешники, гонцы, помогающие ему в осуществлении грандиозного эксперимента по пересозданию России.

Функции пейзажа в «Звере из бездны», «Моем романе» и «Отчем доме» различаются. Наиболее традиционно он представлен в «Моем романе», где передает психологический настрой персонажа, служит фоном развития сюжетного действия. При встрече Ивана Петровича и Вероники в Новороссийске все природные стихии восстают против людей, и они по разрушительному действию сопоставимы с общественными катаклизмами: «позади

надвигающийся красный террор, впереди – бездонная и злобная морская пучина»¹¹. В «Звере из бездны», напротив, природа остается безучастной к миру людей, создается даже впечатление, что природный мир не принимает проливаемой крови, озлобления, ненависти и страданий. Пейзаж поражает своей красотой и безмятежностью. Этот контраст помогает художнику ярче высветить несовместимость христианских ценностей и того ужаса и безумия, который поселился в людских душах. В «Отчем доме» противопоставление природы помыслам и делам героев прописано еще более отчетливо. Людская мелочность и суэта становятся лишь заметнее на фоне спокойной и величественной красоты окружающего природного мира.

В романах представлены различные способы повествования. В «Моем романе» рассказ о выпавших на долю сотен людей испытаниях революционного времени дан сквозь призму сознания непосредственного очевидца происходящего, а действие сосредоточено на небольшом пространстве – то в тесной каюте парохода, то в крохотной эмигрантской квартирке. Взор повествователя в «Звере из бездны» отличает необычайная широта. Картины боев, бесконечные потоки беженцев, разрушенные города и деревни показаны как бы с «высоты птичьего полета». Автор стремится к максимальной объективности изложения, что позволяет говорить об эпичности мирозерцания повествователя, о чем, собственно, и предупреждал художник в предисловии к роману.

В «Отчем доме» Чириков также стремился изобразить события с позиции беспристрастного повествователя. Но на этот раз он использовал и особую повествовательную маску – хроникера, обывателя, тщательно фиксирующего в своей художественной летописи поступки братьев Кудышевых и отпускающего замечания по поводу той общественной смуты, что творилась в России на рубеже XIX – XX веков. Так в его речь проникает сказовая интонация, не противоречащая, однако, плавной, спокойной и подчеркнута неторопливой манере изложения. Однако этот прием не выдерживается художником до конца. Он постоянно перебивает повествование от лица хроникера своими оценками, характеристиками и суждениями по поводу тех или иных событий и в конечном счете отказывается от избранной им ранее повествовательной манеры и начинает объясняться с читателем напрямую.

Третья глава **«История семьи как зеркало социально-политической жизни России последней четверти XIX – начала XX веков»** посвящена анализу итогового произведения Е.Н. Чирикова – семейной хроники «Отчий дом».

В первом параграфе **«Осмысление судьбы России в работах историков и литераторов первой волны русской эмиграции»** кратко очерчиваются общественные

¹¹ Чириков Е.Н. Мой роман. Париж, 1926. С. 6.

настроения, царившие в Русском зарубежье в 1920 годы, и их отражение в научных трудах и публицистических выступлениях современников Чирикова.

В обозначенные годы в эмигрантском сообществе царила идеологическая разобщенность, зафиксированная в напряженных газетно-журнальных дискуссиях об отношении к советской власти, об истоках Февральской и Октябрьской революций и т.п. Но если в политической мысли эмиграции шел анализ причин постигшей Россию катастрофы, обсуждались пути ее преодоления, то в литературе Русского зарубежья делались только робкие и, скажем прямо, неудачные попытки разобраться в случившемся (многотомное сочинение генерала П.Н. Краснова «От двуглавого Орла к Красному знамени»). Поэтому то, что сделал Чириков в «Отчем доме», можно считать беспрецедентным. Писатель не только создал большое эпическое полотно, но и предложил свою версию произошедшего. Он в отличие от многих соотечественников пришел к выводу, что предпосылки разыгравшейся в октябре 1917-го трагедии следует искать в прошлом страны, в деятельности не только революционных заговорщиков, но и либеральной интеллигенции и даже царской власти и ее оплота – консервативных дворянских кругов – что художественно и доказал в «Отчем доме».

Во втором параграфе **«Историческая концепция Е.Н. Чирикова»** рассматривается предложенная писателем трактовка событий российской истории последней четверти XIX – начала XX веков. Автор, взяв за основу историю рода князей Кудышевых, воссоздал весь спектр существовавших в России общественно-политических сил. Каждый член кудышевского семейства и даже предки олицетворяют то или иное идейное направление (оппозиционное дворянство времен Павла I, консерватизм, народничество, идеи «Народной воли» и «Черного передела», толстовство, марксизм). Возникающие между ними споры и скандалы, порой доходящие до открытого противостояния, словно в капле воды отражают неумение и нежелание найти общий язык с оппонентами. Казалось бы, все пекутся о судьбе народа и России, а на деле только способствуют отчуждению от него «думающей» части общества и власти. Так, по мысли Чирикова, был подготовлен крах «общего национально-государственного отчего дома»¹².

Писатель художественно «разъясняет», что невозможность диалога между интеллигенцией и народными массами была обусловлена в первую очередь неподготовленностью самих носителей интеллигентского сознания к такому общению. Чтобы доказать, что они всегда думали «за» народ, вместо него, Чириков «продублировал» идейные споры народников и марксистов о путях развития России, уже однажды воспроизведенные им в своих сочинениях. В «Отчем доме» ему было важно дать

¹² Чириков Е.Н. Отчий дом: семейная хроника / Вступ. статья, подгот. текста, коммент. М.В. Михайловой, А.В. Назаровой. М., 2010. С. 562.

столкновение идей, обнаружив своеобразие каждой из этих двух политических программ, для чего писатель обратился к традиции русского идеологического романа, прежде всего – тургеневского типа. Запечатлевая споры братьев Кудышевых с оппонентами, он резюмировал полную несостоятельность и «измельчание» каждой из сторон. Причиной этого стал идейный тупик, в котором, по убеждению художника, в последней четверти XIX века оказалось все социалистическое движение. Его результатом явилась утрата нравственной составляющей, которая была неотъемлемой частью морального кодекса прежних поколений борцов за народное счастье.

Особенно опасным Чириков считает растущий радикализм молодежи, видящей свою задачу в разжигании всенародного бунта, который заставит царскую власть пойти на уступки. И для осуществления этого она готова использовать насилие и террор. Внимательно присматривается Чириков и к либералам, на которых можно было бы возлагать надежды. Но их «нестойкость» выражается в постоянных колебаниях между правительством и радикалами. Подобное отношение к либеральной программе коренным образом отличало Чирикова от многочисленных мыслителей и литераторов в эмиграции. И его умозаключение находит убедительное художественное выражение. Фигура трусливого и одновременно хорохорящегося самоуверенного краснбая Павла Николаевича Кудышева надолго врежется в память читателя.

Основным же козырем в руках всех этих сил стала земля, которую они использовали как приманку для привлечения на свою сторону народа. Но Ленин – а это третьестепенный для фабульной основы персонаж – опередил своих политических конкурентов и оказался вершителем судеб страны, втянув мужика в борьбу за землю с помощью обмана. В «Отчем доме» отчетливо ощущается присущая народу беззащитность перед ложью и искушением, слепое упование на вышестоящих лиц, готовность безропотно подчиниться их приказам. Все это передается автором через эпизодических лиц, многоголосие, массовые сцены. И для Чирикова Ленин явился Великим провокатором, готовым ради захвата власти перешагнуть «через все пороги»¹³, поэтому его фигура укрупняется несмотря на то, что в романе ему отведено немного места. Однозначно отрицательный образ вождя большевиков возник благодаря авторскому замыслу – запечатлеть вождистские претензии исторических «кукловодов», а фигура Ленина подошла для этой роли лучше всего, тем более что Чириков знал этого политического деятеля лично и еще в эпоху Гражданской войны смог составить представление о последствиях его действий.

Писатель разглядел «шаткость» русского человека, легко поддающегося на «уговоры» мошенников и провокаторов. Но одновременно он показал, что в объятия революционеров

¹³ Чириков Е.Н. Отчий дом. С. 465.

народ толкала и сама царская власть. Можно сказать, что в книге собрана коллекция фактов, свидетельствующих о непродуманной, недальновидной, прямо-таки ошибочной политике последнего русского императора, который легко поддавался давлению со стороны и менял свои решения в угоду того, кто в данный момент находился рядом. Роковой же ошибкой правительства Николая II, по мнению Чирикова, стала неспособность довести до конца земельную реформу 1861 года, которая, хотя и принесла крестьянам личное освобождение, не оправдала их ожиданий: помещичье землевладение было сохранено, а мужицкие наделы значительно урезаны. В результате народ был обречен на нищету, и его полная зависимость от дворян-землевладельцев, с одной стороны, и диктат общины, с другой, создали благоприятные условия для мощного социального потрясения, чем и не преминули воспользоваться большевики.

Для обоснования и подтверждения своих исторических воззрений Чириков прибегает в романе к публицистическим отступлениям. Но они раскрываются и в эпизодах, имеющих непосредственное отношение к судьбе семейства Кудышевых. Это «чередование» и позволяет масштабно охватить явления, имевшие место в России в указанный период. Реконструкция исторической концепции и политических взглядов Чирикова в диссертации проведена как с опорой на художественные тексты, так и с привлечением его публицистики и открытых выступлений в печати.

В третьем параграфе **«Истоки сюжетных коллизий и “прототипы” персонажей “Отчего дома”»** обнаруживается общность воспроизведенных в последнем романе Чирикова сюжетных коллизий и образов с предшествующими произведениями писателя.

В первую очередь обращает на себя внимание сходство «Отчего дома» с автобиографической тетралогией, ибо в обоих случаях писатель показывает перипетии судьбы одного персонажа (или семьи) на переломном этапе истории, что определило эпичность этих произведений. Очевидно и типологическое сходство биографий Геннадия Тарханова и Павла Кудышева (оба проходили по политическому делу, были арестованы и исключены из университета, затем «успокоились», предпочтя умозрительным революционным изменениям практическую пользу писательского или хозяйственного труда). Однако принципиально различно отношение автора к своим героям: отказ Тарханова от общественной активности и «укрытие» в лоне семьи отвечают представлению Чирикова о высших нравственных ценностях, в то время как желание Кудышева прославиться, быть замеченным – неважно на каком поприще – то ли в качестве управляющего имением, то ли в роли организатора «либеральных пирогов» – подано в ироническом ракурсе.

Все это становится доказательством измельчания дворян, которые перестают играть заметную роль в жизни государства или действуют настолько необдуманно, что превращают главную опору самодержавия в его непримиримого противника.

Можно найти общее и в женских образах из «Жизни Тарханова» и героинях «Отчего дома». Жена Павла Николаевича Елена, подобно героине автобиографической тетралогии, готова последовать за своим избранником в ссылку, но в отличие от Зои ее решимость обусловлена не стремлением к самопожертвованию, а страхом потерять мужа. Идеи, которые дороги Павлу Николаевичу и которые делают его на какое-то время отщепенцем, ей совершенно безразличны. Роднит же Елену с ним именно умение скрывать свои подлинные мысли, актерствовать перед окружающими и друг перед другом, из чего следует, что Елена Прекрасная явно измельчала, и ее духовная красота потускнела. Иронический ракурс присущ описанию «семейной идиллии» Павла Николаевича. Его «романтические отношения» с женой больше напоминают пародию на историю любви Геннадия и его невесты Зои, ибо там – подлинная любовь и духовная близость, а здесь слащаво-маниловское сюсюканье и определенная взаимовыгода. Ясно, что Чириков хотел засвидетельствовать необратимое разрушение семейных устоев.

Отсутствие духовной близости, открытости и доверия между супругами становится «моделью» для их детей. Наследники Кудышевых в семейной жизни оказываются несчастны, хотя родители сохраняют видимость благополучия. Только один женский образ в «Отчем доме» несет отсвет прекрасных женщин из предшествующих произведений – это дочь Павла Николаевича Наташа. Она одна способна почувствовать красоту народной культуры. Ее одно пребывание среди паломников во время поездки на озеро Светлояр посещает чувство единения с людьми из народа, и кажется, что ей удастся преодолеть стену недоверия и враждебности между крестьянами и барями. Но это оказывается иллюзией, одномоментным озарением, поскольку в ее воображении живет такой же романтизированный образ народа, что и у дочери Геннадия Тарханова Веры, которая привыкла судить о мужике на основе литературы, музыки и живописи, в которых отразился, по мнению Чирикова, мифологизированный образ народа. Поэтому они обе не замечают неприязни, а подчас открытой ненависти мужиков и не осознают той страшной угрозы, которая звучит в «метких» и «злых» словах крестьян. И не случайно свою дальнейшую жизнь Наташа связывает с театром, ища в нем реализацию творческого потенциала своей души. Это не значит, что она выбирает «неправильный» путь. Но то, что этот путь далек от народных чаяний, – несомненно.

«Предшественницами» матери Павла Николаевича и его братьев стали мать и тетка главного героя «Жизни Тарханова», чьи отношения с ними «продублировались» в

многочисленных конфликтах в семействе Кудышевых. Как и Анна Михайловна Кудышева, мать Геннадия Тарханова не принимает идейных поисков сына и воспринимает его арест и тюремное заключение как катастрофу. Тем не менее ее любовь к Геннадию остается непоколебимой, тогда как боль, страх и стыд при получении известия о связи сыновей с террористами-цареубийцами отталкивают Анну Михайловну от детей. На сходство старой барыни Кудышевой со второй родственницей Тарханова указывает имя этих героинь – Анна.

Еще одним общим сюжетным элементом автобиографической тетралогии и семейной хроники Чирикова становится появление внебрачного ребенка, в котором созревают чужеродные «импульсы». В «Жизни Тарханова» – это сын Геннадия и Калерии, Геня-младший, в «Отчем доме» – Иван, ребенок среднего брата Дмитрия, прижитый в союзе с якуткой. И тот и другой оказываются «вне» семьи, подтверждая ее распад: Геню после смерти Калерии забирают ее родственники, а Ивана воспитывают живущие в секте Григорий и Лариса. Еще в большей степени символизирует распад родственных связей встреча Тарханова-отца с сыном. Выясняется, что Геннадий-младший не просто «продолжил» революционный путь отца, но стал большевиком, а проповедуемая им программа действий напоминает план кардинального переустройства общественно-политической системы России в духе Петра Верховенского, не останавливающегося ни перед какими преступлениями. В автобиографической тетралогии уже прозвучала мысль об ответственности «отцов» за укоренение в молодежи радикалистских взглядов, так как возвышенные, но беспочвенные идеи о всеобщем равенстве и справедливости старшего поколения обернулись в «детях» грубым нигилизмом и аморальностью. В «Отчем доме» Ваня лишен какого бы то ни было демонического ореола, поскольку остается в финале романа еще ребенком. Но его появление в Никудышевке превращает отчий дом в «зверинец», который способен породить, как показал Чириков в романах о Гражданской войне, большого «Зверя». Дальнейшая его судьба не проясняется, но если вспомнить аналогичную ситуацию в поэме Блока «Возмездие», можно предположить, что и это юное существо будет творить «возмездие».

При работе над фигурами младших братьев Павла Кудышева Дмитрия и Григория Чириков использовал отрывки из собственных воспоминаний. Можно предположить, что эти заимствования понадобились писателю, чтобы показать тот момент, когда представители российской демократической интеллигенции, к которой принадлежал и он сам, подверглись «заражению» революционными идеями и встали на путь антиправительственной деятельности. Образ Григория – дворянина, вернувшегося из ссылки женатым на простой крестьянке, «проник» в «Отчий дом» из пьесы Чирикова «Дом Кочергиных» (1910). Семейную хронику и эту пьесу объединяет ретроспективный авторский взгляд на революционные события 1905 года. Если в «Доме Кочергиных» писатель стремился как

можно полнее и достовернее передать «дух» революционных лет, то в своем последнем романе он сосредоточил внимание на том, что предшествовало «репетиции» осуществленного в 1917 году Лениным переворота. Сюжет этой пьесы отчасти повторяет действие «Мужиков» и отражает уже окончательное разочарование Чирикова в революционном движении. В ней показана идейная несостоятельность представителей дворянской интеллигенции, погрязшей в бесконечных спорах о судьбе народа, но в действительности абсолютно равнодушной к его интересам. Героев занимает исключительно борьба вокруг наследства, что переводило общественное звучание драмы в бытовой план и доказывало, по мысли Чирикова, неосуществимость любых попыток радикального преобразования действительности этими людьми.

В четвертом параграфе «**Мифопоэтика романа «Отчий дом»**» характеризуется роль фольклорных и библейских образов в связи со своеобразием поэтики произведения. По мере нарастания катастрофического восприятия истории художнику все более важен становится библейский контекст.

В «Отчем доме» сюжетные перипетии сосредоточены вокруг фигур трех братьев, которые выступают смыслообразующим центром романа. Они явно ассоциируются с фольклорным образом распутья – трех дорог, каждая из которых может привести героя к гибели, счастью или богатству. Чириков наглядно демонстрирует жизненный путь каждого из братьев и обнаруживает несостоятельность жизненной стратегии любого из них. В лице Павла Николаевича Чириков разоблачает либеральные преобразования, в лице Дмитрия – революционно-террористическую деятельность, в лице Григория – христианский социализм.

Помимо фольклорных аллюзий образы трех братьев обнаруживают параллели с романами Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» (1879–1880), В. Ропшина (Б.В. Савинкова) «То, чего не было» (1912) и Г.И. Чулкова «Сатана» (1914), в основе которых лежит аналогичный фольклорный код. В них на примере трагических судеб братьев, которые губят друг друга и погибают сами, показан распад человеческих связей в семье. Разобщенность и вражда между ее членами отражают состояние всего общества, становятся свидетельством поразившей Россию тяжелой духовной болезни. Ответственность за страдание близких и разрушение родительского гнезда художники возлагают на всех участников изображаемых ими семейных драм. Очевидно, что прозвучавшие в романах Достоевского, Ропшина и Чулкова мысли близки Чирикову. В «Отчем доме» семья Кудышевых становится воплощением России в миниатюре, а споры доказывают невозможность найти взаимопонимание между представителями всех ее сословий.

К имени, закрепленному фольклорной традицией, относится и имя Степана Разина, неоднократно возникающее на страницах романа. Чирикову важно выяснить, откуда берет

начало бунтарство русского человека, для которого имя Разина всегда связывалось с возрождением, пусть и путем насилия, «божьего» закона, по которому хотели жить крестьяне. В «Отчем доме» они ждут Разина, ждут освободителя, чем, убежден Чириков, и воспользовались большевики, выдавшие себя за справедливых народных заступников.

Важным структурообразующим элементом романа становится легенда о Граде Китеже, в которой запечатлелись лучшие качества русской души. Поэтому поездка героев «Отчего дома» на озеро Светлояр, на дно которого, по преданиям, погрузился легендарный город во время монгольского нашествия, играет важную роль в композиции романа. Она становится своеобразной параллелью паломничества к Женевскому озеру, куда устремляются соратники Ленина. И если Незримый Град как идеал справедливости, надежды на установление царства Правды на земле существуют в мечтах всех, то окружение Ленина показано как слепо внимающая своему наставнику толпа. Сходным образом автор выстраивает параллель между различными «кораблями» революционеров и сектантов, что подготовит неожиданный – и открытый – финал «Отчего дома», в котором приводятся речи двух глашатаев «правды» – Павла Николаевича Кудышева и Ленина, что усиливает политическое звучание произведения.

Библейские образы уже оказывались своего рода ключом к произведениям конца 900-х – начала 1910-х годов, и одним из них выступал образ Антихриста. В конце 1920 годов воплощением Антихриста для писателя стал Ленин. В интерпретации писателя дьявольскую сущность Ленина раскрывают такие качества и поступки, как непомерная, буквально «сатанинская», гордыня, высокомерие, готовность к обману и предательству соратников, презрение к народу, в котором он видит лишь «прекрасную дубину»¹⁴ для расправы над противниками.

Но помимо концепции, бытующей в традиционной ортодоксально-богословской традиции, Чириков опирается и на раскольничье учение о «духовном» антихристе, согласно которому тот понимается как безличное злое начало, воцаряющееся в мире на финальном этапе его истории. Описываемые художником события, происходившие в России в последней четверти XIX-го – начале XX веков, можно рассматривать как своеобразные знамения приближающегося «конца времен» (неурожаи, голод, холера, война с Японией и т.п.). Но создавая картину охвативших страну бедствий, Чириков в то же время убеждает читателя, что виновато в этом не мистическое предопределение, а сами люди.

Кроме того, в «Отчем доме» находит продолжение вариация «дьявольской» темы, начатой в монастырском сказании «Плен страстей человеческих» (1910) и сказке «Красота ненаглядная» (созданной, возможно, после поездки Чирикова в 1912 году на озеро Светлояр

¹⁴ Чириков Е.Н. Отчий дом. С. 721.

и опубликованной уже в эмиграции в 1924-м), где искуситель принимает облик женщины, причем в «Отчем доме» искуситель персонализирован. Им оказывает хлыстовка Лариса Лугачева, которая буквально околдовывает всех персонажей мужского пола и в конце концов прибирает Никудышевку к своим рукам.

В «Отчем доме» возникает и переосмысленная Чириковым евангельская притча о «блудном сыне». Впервые писатель использовал ее еще при создании заключительной части тетралогии «Жизнь Тарханова» – романа «Семья», где разочаровавшийся в общественной деятельности и писательском поприще Геннадий Тарханов в конечном итоге обретает «Дом отца моего». Поэтому в последней части тетралогии возникает перенос акцента с линии Тарханова на жизнь его детей: именно их, а не свои книги и идеи оставляет он после себя. В «Отчем доме» библейская легенда реализуется сюжетно. Блудные дети собираются под отчим кровом, но это не только не приносит счастья и успокоения, а напротив, влечет за собой полное разорение пенатов. Вернувшийся из ссылки Григорий привозит с собой жену-простолюдинку и в конце концов отделяется от родных, Павел Николаевич уходит в мечты о депутатской карьере, Дмитрий, получивший задание устроить погром в имении матери, ненамеренно приводит в дом жандармов и, скрываясь от них, кончает с собой. Мать оказывается на грани безумия, и в результате хозяйством начинают заправлять пришлые люди. Символика разоренного гнезда начинает настойчиво проступать сквозь сюжетную канву.

В пятом параграфе **«Конструкция «Отчего дома»: жанровое решение»** исследуются особенности жанровой специфики романов о Гражданской войне и ее воздействие на семейную хронику.

В осмыслении жанра произведений Чирикова помогают названия и подзаголовки. В заглавии «Мой роман» обыгрывается несколько смыслов: роман – как история любовных взаимоотношений мужчины и женщины и как выбранная автором для воплощения своего замысла художественная форма, которой присущи психологическое напряжение, лирическая тональность, приобщение читателя к интимным переживаниям персонажей, тем более что повествование «передоврено» самому герою. Таким образом, происходит максимальное сближение автора и рассказчика, своеобразная интимизация повествования, установка на подлинность.

«Зверь из бездны» имеет подзаголовок «поэма страшных лет», что сближает это произведение с «Мертвыми душами» Н.В. Гоголя. Он указывает на лирическую составляющую в структуре романа, взаимодействующую с эпической масштабностью изображенных событий, и уточняет особую роль повествователя, чьи размышления о судьбах страны призваны обнаружить в трагической и противоречивой действительности

признаки будущего возрождения России. Эти элементы перейдут и в «Отчий дом», где рассказчик присутствует во всех сценах, комментируя, высказывая оценки, выражая резкое негодование или искреннее сочувствие происходящему, а лирические отступления, которые поначалу лишь перемежаются публицистическими пассажами, вскоре вовсе исчезнут.

Для воплощения своего грандиозного замысла – изображения целой эпохи, предшествовавшей историческому слою, – Чириков избрал жанровую форму семейной хроники. Выбор писателя обусловили присущие этому типу текста особенности, а именно: «связь семьи и судеб России, значение семейно-родового начала для национального сознания»¹⁵. Однако уже первые рецензенты заметили отличия «Отчего дома» от хроник С.Т. Аксакова, Н.С. Лескова, М.Е. Салтыкова-Щедрина и др. Если в «традиционной» семейной хронике описывается жизнь нескольких поколений дворянского рода, то «Отчий дом» знакомит читателей с судьбой только двух поколений Кудышевых – матери и ее сыновей. О нравах предков сообщается в самом начале повествования, судьба же внуков намечена пунктирно и доведена до середины 1900-х годов.

Другое отличие касается типа повествования, которое обычно представляет собой рассказ о предках, ведущийся от лица внука, или объективно-авторское изложение событий. На первый взгляд, «Отчему дому» ближе последняя разновидность, так как передающий историю семейства Кудышевых хроникер отделен от описываемых событий очевидной дистанцией. Но в то же время субъективность повествования усиливается, когда оценка тех или иных фактов из жизни Кудышевых часто проводится с точки зрения члена семьи либо человека из близкого окружения (на что указывает обилие несобственно-прямой речи, индивидуально преломляемой в языке каждого рассказчика). И каждому индивидуальному восприятию автор находит соответствующее речевое обрамление. В результате точки зрения персонажей оказываются наделены равными с позицией повествователя правами, что позволяет говорить о такой черте хроники Чирикова, как многоголосие. А это позволяет уловить некоторую «равнодействующую» тональность, взрываемую порой страстными авторскими инвективами. Опора на «чужое» слово указывает на обращение к сказовой форме повествования. С ее помощью писатель обычно изображает народный мир с его традициями, неоспоримыми культурными ценностями. В то же время различие между сказовой, авторской и «повествовательной» манерами столь ощутимы, что закрадывается подозрение, что таким образом Чириков хочет обозначить пропасть, разделившую народ (в его представлении только крестьянство) и высшие слои российского общества.

Стоит отдельно подчеркнуть, что количество авторских публицистических вставок в «Отчем доме» предельно велико и может конкурировать с толстовскими отступлениями в

¹⁵ Павлова И.Б. Тема семьи и рода у Салтыкова-Щедрина в литературном контексте эпохи. М., 1999. С. 62.

«Войне и мире». В последнем романе Чириков изменил избранной им в «Звере из бездны» позиции *свидетеля* истории, который лишь фиксирует факты, и выступил как обвинитель и судья. Доказательством является эмоционально-оценочная лексика, следующие почти без перерыва друг за другом восклицания и вопросы, речевые клише, свойственные речи публициста, которые по большей части возникают при рассказе о провокациях, националистической политике царского правительства, бедственном положении народа и т.п. Очевидно, что, работая над «Отчим домом», Чириков искал подходящий замыслу образ повествователя, в устах которого его собственные критические размышления органично сочетались бы с рассказом о сюжетных перипетиях. Но поиск не увенчался успехом, и важные для себя мысли Чириков предпочел все же высказать от себя лично.

Почти во всех романах писателя, но особенно в произведениях, созданных в эмиграции, обнаруживаются героическое и трагическое начала, которые указывают на присущий этим произведениям эпический характер. Однако эпичность, свойственная авторскому взгляду на мир даже в «Звере из бездны», не совсем традиционна. В нем запечатлена еще «неостывшая», текущая история современности, что противоречит традиционному определению эпопеи. Но Чириков, смеем предположить, предлагает увидеть новые возможности проявления эпического в XX веке, поскольку изображенные им события влияют не только на судьбы героев, но и на судьбу всего русского народа, страны, т.е. оказываются достойными освещения и в «эпическом ракурсе». В этом можно увидеть ориентацию Чирикова на роман-эпопею Л.Н. Толстого «Война и мир», но в чем-то и спор с ней. Как и великий русский писатель, Чириков стремился постичь русскую жизнь, характер русского человека, судьбу страны на большом временном отрезке и в то же время осознавал, как «историческое» и то, что происходило непосредственно у него на глазах. Поэтому сквозь рассказ об истории конкретной семьи в «Отчем доме» проступает портрет всего общества, данного в различных «ракурсах», а в «Звере из бездны» то, что повернуло колесо русской истории.

Пространство «Отчего дома» распахнуто в прошлое и будущее. Взгляд писателя проникает сквозь века и переносит читателя во времена татаро-монгольского нашествия, правления Ивана Грозного и Бориса Годунова, Екатерины II и Александра III. Также исторический размах подчеркивается введением в текст «Отчего дома» наряду с вымышленными персонажами подлинных исторических лиц. Среди них оказываются как царские министры, так и представители революционного движения, причем – и это особенно интересно – они предстают в авторской «транскрипции». Достаточно сказать, что В.Д. Бонч-Бруевич выступает в романе под фамилией Вронч-Вруевич и действует рядом с Крупской, которая никогда по поручению Ленина единолично не приезжала в Россию. А Ленину, чтобы

до конца проявить свою антипатию к нему, Чириков приписывает такие грехи (причисление себя к столбовому дворянству, готовность открыто действовать «методом Раскольникова» и т.п.), в которых тот неповинен. Этот прием принижения физических и моральных качеств противника хорошо известен по роману «Война и мир», который можно рассматривать как своего рода «пратекст» по отношению к тексту «Отчего дома».

Все чириковские романы отмечены взаимодействием биографического, документального начал и художественного вымысла. В «Звере из бездны» отчетливо обнаруживается автобиографический характер повествования. Из биографии автора туда «перешли» место действия – Крым, атмосфера страха и подозрений, в которой существовали новоявленные жители Батилимана, вместе с Белой армией бежавшие на юг. В «Отчем доме» биография братьев Кудышевых вобрала в себя факты юности самого писателя. А вот описанная в «Моем романе» история к реалиям судьбы Чирикова не имеет ни малейшего отношения, хотя претендует на абсолютную достоверность, но на деле он, как и его герои, сам испытал все тяготы беженства и пребывания на чужбине. Таким образом, движение от автобиографического к вымышленному, от единичного к общему придает лиро-эпические черты всем романам писателя.

Из всего сказанного выше можно сделать вывод, что Чириков на базе семейной хроники создает новую жанровую форму – «роман-панораму», пронизанный личным авторским чувством и освещающий течение общественно-политической жизни, умонастроения российского общества, а также судьбы конкретных людей и целых сословий на рубеже XIX – XX веков.

В заключении подводятся итоги, предложены основные выводы.

Творческий путь Е.Н. Чирикова представляет собой интереснейший пример эволюции художественных принципов под влиянием пересмотра писателем прежних идейных взглядов и убеждений, что обусловило своеобразие поэтики его зрелых произведений, вобравших в себя элементы различных литературных жанров и стилевых исканий. Заявивший о себе в раннем творчестве как бытовик и продолжатель реалистических традиций писателей-шестидесятников, Чириков во второй половине 900-х годов постепенно отошел от остро социальной проблематики и сосредоточился на осмыслении народно-православных основ русской жизни и культуры. Итогом творческих и идейных исканий стала созданная в эмиграции семейная хроника, роман-панорама «Отчий дом», в которой он предложил свой ответ на вопрос о причинах, подтолкнувших Россию к революционной катастрофе 1917-го года и последовавшей за ней трагедии изгнания миллионов русских людей за пределы родины. В этой книге Чириков воссоздал широкую картину общественно-политической и духовной жизни страны последних десятилетий XIX-го и начала XX-го столетий,

воспроизведя, но и серьезно переосмыслив многие темы и мотивы своих дореволюционных произведений, автобиографической тетралогии, романов о Гражданской войне.

Из дореволюционного творчества в «Отчий дом» перешли размышления писателя о роли русской провинции в истории страны, отражение идеологических споров современной ему эпохи, которые вскрыли многовековую пропасть между народом, интеллигенцией и властью, что послужило, по его убеждению, одной из предпосылок к Гражданской войне. В свой последний роман Чирикова «переселил» многих героев своих ранних рассказов – обывателей, студентов, ищущих правды идейных борцов, революционеров, но и предельно расширил персонажный строй романа, представив практически все сословия России. Но в «Отчем доме» он показал измельчание характера и нравственное оскудение русского человека под влиянием всеобщего морального распада, который и привел к катастрофическим переменам в жизни страны. Это, конечно, не означало, что взгляд Чирикова на русский народ абсолютно пессимистичен. Опровержением этого может служить предисловие 1924 года к сказке «Красота ненаглядная», озаглавленное «О душе русского народа», где писатель дал точный анализ причин роковых изменений национального характера под влиянием исторических условий и общественных обстоятельств, но в то же время выразил уверенность в неисчерпаемом запасе прочности нравственных основ народного духа.

В романах «Зверь из бездны» и «Мой роман» Чириков продемонстрировал конкретные последствия поразившего русское общество на рубеже XIX – XX столетий морального релятивизма, повлекшие за собой разрушение семейных устоев и утрату христианских ценностей. Авторский замысел – показать рождение апокалиптического «Зверя» в реальных обстоятельствах гражданской междоусобицы – потребовал от писателя синтеза событийного, художественного, лирического и онтологического начал. Итогом этих поисков стала «гибридная» форма романов, где частная история персонажей соединена с национально-исторической трагедией в условиях развала российской государственной системы, что предвосхитило жанровое своеобразие семейной хроники «Отчий дом», предъявившей оригинальную историческую концепцию. Чириков на чужбине кардинально пересмотрел прежнее отношение к невинности своих оказавшихся в эмиграции современников и прямо указал на виновников свершившейся на русской земле катастрофы: дворянство, власть, революционную интеллигенцию и поддавшийся на посулы русский народ. По его убеждению, отказ большей части образованных людей от традиционных нравственно-духовных ценностей, лежавших в основании русской цивилизации, разжигание бунтарских настроений в массах привели к расшатыванию общественных устоев, разложению культуры и многовекового уклада жизни, укоренению в массовом сознании

радикальной идеологии. Положенная в основу замысла «Отчего дома» концепция придала остро публицистический накал повествованию, что позволило расширить предмет изображения, органически вплести в ткань романа философские размышления об историческом пути России, о проблеме духовных утрат, о подлинном и ложном патриотизме. В результате художником был вынесен философско-исторический приговор людям и эпохе, придавший его размышлениям эпический масштаб. Последнее произведение писателя переросло в «роман-панораму», осветивший судьбы русских людей на фоне общественно-политической жизни страны в последней четверти XIX – начале XX веков.

Основные положения диссертационной работы отражены в следующих публикациях:

Публикации в журналах, рецензируемых ВАК:

1. Назарова, А.В. Отчий дом как итог жанровых поисков Е.Н. Чирикова [текст] / А.В. Назарова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Литературоведение. Журналистика». – 2010. – № 2. – С. 30 - 35.

2. Назарова, А.В. Россия как отчий дом: идеи Л.Н. Толстого в русском зарубежье (Роман-хроника Е.Н. Чирикова «Отчий дом») [текст] / А.В. Назарова // Общественные науки и современность. – 2010. – № 6. – С. 160 - 171.

3. Назарова, А.В. Легенда об Антихристе в семейной хронике Е.Н. Чирикова «Отчий дом» [текст] / А.В. Назарова // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. – 2013. – № 1. – С. 171 – 177.

Публикации в зарубежных изданиях:

4. Назарова, А.В. Исторические события и лица в мемуарах Е.Н. Чирикова «На путях жизни и творчества. Отрывки воспоминаний» [текст] / А.В. Назарова // Vēsture: avoti un cilvēki. XIX zinātniskie lasījumi. Vēsture XIII. – Daugavpils: Daugavpils Universitātes Akadēmiskais apgāds “Saule”, 2010. – 114 – 119 p.

5. Назарова, А.В. Жанровое своеобразие семейной хроники Е.Н. Чирикова «Отчий дом» [текст] / А.В. Назарова // Русская филология. 21. Сборник научных работ молодых филологов. – Тарту, 2010. – С. 106 – 110.

6. Назарова, А.В. Концепция исторического прошлого России в романах «Отчий дом» Е.Н. Чирикова и «Истоки» М.А. Алданова [текст] / А.В. Назарова // Русская литература XVIII–XXI вв. В диалоге с литературным и культурным наследием / Literatura rosyjska XVIII–XXI w. W dialogu ze spuścizną literacką i kulturową. Pod redakcją Olgi Główko i Ewy Sadzińskiej. – Łódź, Primum Verbum, 2010. – С. 321 - 328.

Публикации в российских сборниках:

7. Назарова, А.В. Романы Е.Н. Чирикова «Жизнь Тарханова» и «Отчий дом» (проблематика, сюжетика, система образов) [тезисы] / А.В. Назарова // Материалы XV Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «ЛОМОНОСОВ». Секция «ФИЛОЛОГИЯ». Москва. МГУ имени М.В. Ломоносова. 7-11 апреля 2008 г. – М.: Макс Пресс, 2008. – С. 553 – 555.

8. Назарова, А.В. Концепция творческой личности в романах Е.Н. Чирикова «Жизнь Тарханова» и И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» [текст] / А.В. Назарова // Евгений Николаевич Чириков. Возвращение к читателю. II Культурологические чтения «Русская эмиграция XX века» (Москва. 7-8 февраля 2007): Сборник докладов. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2008. – С. 83 – 91.

9. Назарова, А.В. Название как отражение жанровой структуры произведения («Мой роман» Е.Н. Чирикова) [текст] / А.В. Назарова // Русская литература XX – XXI веков: проблемы теории и методологии изучения: Материалы Третьей Международной научной конференции: Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, 4-5 декабря 2008 г. – М.: Макс Пресс, 2008. – С. 348 – 350.

10. Назарова, А.В. Критическая полемика вокруг повестей Е.Н. Чирикова «Инвалиды» и «Чужестранцы» [текст] / А.В. Назарова // Озерная школа / Труды пятой Международной летней школы на Карельском перешейке по русской литературе. – Пос. Поляны (Уусикирко) Лен. обл., 2009. – С. 174 – 184.

11. Назарова, А.В. «Свое» и «чужое» слово в семейной хронике Е.Н. Чирикова «Отчий дом» [тезисы] / А.В. Назарова // Материалы XVII Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «ЛОМОНОСОВ». Секция «ФИЛОЛОГИЯ». Москва. МГУ имени М.В. Ломоносова. 12-15 апреля 2010 г. – М.: Макс Пресс, 2010. – С. 643 – 645.

12. Назарова, А.В. Семейные ценности как национальная идея (на материале произведений Е.Н. Чирикова) [текст] / А.В. Назарова, М.В. Михайлова // Категория ценности и культура (аксиология, литература, язык): Материалы Всероссийской научной конференции 13-15 мая 2010 г. – Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2010. – С. 196 - 211.

13. Назарова, А.В. Россия как Отчий дом [текст] / А.В. Назарова, М.В. Михайлова // Чириков Е.Н. Отчий дом / Подгот. текста, предисл., коммент. А.В. Назаровой, М.В. Михайловой. – М.: Эллис Лак, 2010. – С. 3 – 28, 724 – 828.

14. Назарова, А.В. Взаимопроникновение художественного и публицистического стилей в семейной хронике Е.Н. Чирикова «Отчий дом» (1929 – 1931) [текст] / А.В. Назарова // Синтез документального и художественного в литературе и искусстве: Сборник статей и

материалов III международной научной конференции (Казань, 3-8 мая 2010): Вып. 3. – Казань: изд-во «Юниверсум», 2011. – С. 216 – 220.

15. Назарова, А.В. Е.Н. Чириков. Весеннее (Набросок) [текст] / Евгений Чириков; Вступительная статья А.В. Назаровой «В ожидании воскресения» (г. Москва) [текст] / А.В. Назарова // Долг и любовь: сборник филологических работ в честь 65-летия профессора М.В. Михайловой: статьи, рецензии, эссе, публикации / Сост. Ю.В. Шевчук, Н.Н. Мельникова. – М.: Кругъ, 2011. – С. 283 – 290.

16. Назарова, А.В. Война как пространство «антижизни» и «антикультуры» (военные корреспонденции Е.Н. Чирикова с фронтов Первой Балканской и Первой мировой войн) [тезисы] / А.В. Назарова, М.В. Михайлова // Журналистика в 2012 году: социальная миссия и профессия: материалы международной научно-практической конференции, Москва, 9-11 февраля 2013 г. – М., Факультет журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова, 2013. – С. 130-131.